

«Имяславие – учение или ересь?» Протоиерей Олег Добринский - благочинный Новочеркасского округа, кандидат богословия, заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин Донской Духовной семинарии

Достаточно трудно в наше время говорить о таком феномене как имяславие. Что это? Обоснованное учение и заблуждение? Каковы его формы и назначение? Чей непосредственно духовный опыт свидетельствует о нем?

Если обратиться к различным справочным источникам, то суть этого явления будет отражаться таким определением: «Имясла́вие (имябо́жничество, в синодальных документах — имябо́жие, также называемое ономато́доксия) — религиозное догматическое и мистическое движение, получившее распространение в начале XX века среди русских монахов на святой горе Афон. Главным богословским положением сторонников имяславия являлось учение о незримом присутствии Бога в Божественных именах. В этом смысле сторонники имяславия употребляли фразу: «Имя Бога есть Сам Бог» («но Бог не есть имя»), которая и стала наиболее известным кратким выражением имяславия. Признанным лидером движения был иеросхимонах Антоний (Булатович). В 1913 году учение имяславцев было осуждено как еретическое Святейшим Правительствующим Синодом Русской Церкви, а смута, возникшая в русских монастырях на Афоне из-за споров вокруг этого учения, была подавлена с использованием вооружённой силы. Богословская полемика, возникшая в связи с учением имяславцев, оживила в России интерес к наследию Григория Паламы и исихастов и оказала заметное влияние на развитие русской религиозно-философской мысли».

Нельзя исследовать такового явления, не имея собственного опыта религиозной жизни, не ощущая себя частью Тела Христова, частью Его Церкви. Многие мыслители и довольно авторитетные философы и ученые мужи пытались говорить о Имяславии, но будучи своей жизнью вне Самого Имени, более посеяли соблазн и смущение нагромождением фраз и терминов.

За последнее время во всем пространстве религиозно-философской мысли была только одна работы работа, отличающаяся объективным изложением и целью своего исследования. Это труд митрополита Илариона (Алфеева) «Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров».

Началом имяславских споров принято считать появление книги «На горах Кавказа», написанной схимонахом Иларионом (Домрачевым), около двух десятилетий подвизавшемся на Святой Горе Афон и в 80-х годах 19 века удалившегося на Кавказ. В 1907 году вышла упомянутая книга, написанная по благословию оптинского старца Варсанофия, а в 1910 году изданная при попечительстве и на средства Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны.

Позволю себе небольшую ремарку, о которой не следует вовсе забывать, оценивая религиозную, духовную жизнь начала XX века – богоискательство.

Книга посвящена практике умного делания. Пожалуй, одно из центральных мест заняла мысль о присутствии в призывании имени Иисуса Христа самого Христа и Божественности Его Имени.

Приведу одну из цитат этой книги: «В вечности на небесах Единый Бог: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой; и если там пребывало имя Иисус, то стало быть оно и есть Бог, потому что там ничто тварное быть не может». Мыслей такого рода в книге достаточно. В 1909 году афонским иноком Хрисанфом был написан отзыв на эту книгу, где подобные высказывания автора были признаны еретическими, обвиняли его в пантеизме и двубожии. Этот отзыв иннок, обеспокоенный нарастающими спорами среди афонитов, и прежде всего русских, направил непосредственно схимонаху Илариону и влиятельному члену Правительствующего Синода архиепископу Волынскому Антонию (Храповицкому). К этому времени уже очевидным было разделение монахов на две противоположные партии, где сторонники мнений инока Хрисанфа получили прозвище «имяборцев», вторые назывались первыми «имябожниками», себя же именовали «имяславцами».

История развития этих споров и последствия их весьма трагичны, сопряжены с печальными эпизодами. Но прежде всего хотелось бы обратиться к сопоставлению мнений двух противоборствующих сторон.

Основной мыслью имяславцев являлась таковая формула: Имя Божие есть Его энергия и Сам Он.

Выступивший в защиту имяславцев иеромонах Антоний (Булатович) писал: «Ради чего создал Бог человека? — Ради того, чтобы осчастливить созданное существо приобщением ему Божества Своего. ...чтобы соединить его с Собою союзом Божественной любви и сделать человека причастником Божественного Естества. ...чтобы обожить его, обожение же человека заключается в том, что в человека вселяется Энергия Божества. Сущность Божества Божия неприобщима твари, но Деятельность — приобщима».

Сам иеромонах Антоний, а позже и его приемники и последователи, считали себя приемниками богословия святителя Григория Паламы и говорили о данном учении, как о соответствующем учению Святых Отцов, в рассуждении о нетварности Божественной энергии.

Противники данного учения, возглавляемые не менее авторитетными богословами Вселенского Престола и Русской Церкви, главным аргументом выдвигали тот довод, что святитель Григорий Палама нигде не называет энергию Бога «Богом» (Феос), а учит называть её «Божеством» (Феотис).

Нельзя не указать на тот факт, что в числе имяславцев были праведный Иоанн Кронштадтский, на чье мнение ссылался иеромонах Антоний (Булатович), и фигура весьма соблазнительная – придворный «старец» Григорий Распутин.

Архиепископ Антоний (Храповицкий), человек глубоких богословских знаний, личность,

обладающая очень твердым характером и нравом, был приверженцем противоположного лагеря.

Здесь нельзя не сказать о больших дружественных отношениях между Вселенским Патриархом Иоакимом III и архиепископом Антонием. Патриарх, сам афонский монах и человек выдающихся богословских знаний, подробно рассмотрел книгу схимонаха Илариона, и в сентябре 1912 года направил послание игумену Пантелеимонова монастыря, где называл новое учение «бессмысленным и богохульным» и увещевал его сторонников «отстать от душевредного заблуждения и перестать спорить и толковать о вещах, которых не знают».

Это учение было рассмотрено в 1913 году было комиссией преподавателей Богословской школы Вселенского Патриархата на Халки во главе с митрополитом Селевкии Германом. Глубокого анализа написанных книг сделано не было, но заключением стало признание учения неправославным. Константинопольский Синод осудил его как хульное и еретическое и 5 апреля 1913 года Патриарх Герман V отправил на Афон соответствующую грамоту, в которой учение имяславия было объявлено пантеизмом.

Именно после этого заключения Святейший Синод на заседании в мае 1913 года признавал учение «имябожников» неправославным.

Важно отметить, что на Афоне имяславие распространилось только среди русских монахов и практически не затронуло монахов. Поскольку устав Святой Горы строго запрещает еретикам нахождение на ней, Кинот значительно сократил пребывание русских на Афоне.

В феврале 1914 года некоторые выдворенные со Святой Горы имяславцы были благосклонно приняты Императором Всероссийским Николаем II и Императрицей Александрой Фёдоровной. Вероятно, такой прием был не без влияния Распутина.

Совершенно очевидно, что издание книги «На горах Кавказа» было осуществлено Великой Княгиней Елизаветой Фёдоровной по ряду тех же причин.

К сожалению, противники имяславия в России сами неглубоко изучили сущность этого учения и больше доверились таким же поверхностным суждениям богословам Халки.

Митрополит Вениамин (Федченков) так описывает диалог архиепископа Антония Храповицкого и Великой княгини: «Известный митрополит Антоний (Храповицкий), бывший самым ярким противником афонских „имябожников“, оказалось, сам не читал шумевшей книги, в коей высказывалось это выражение об имени Бог, «На горах Кавказа»<...> Однажды с ним на обеде начала разговор Елизавета Фёдоровна: почему он так сильно восстал против этой книги; а она была издана на её средства и после одобрения сведущими лицами. Митрополит Антоний, к великому удивлению и тяжкому смущению Елизаветы Федоровны, ответил ей, что он сам-то не читал этой книги, а ему докладывал миссионер!»

Для греческого богословия, которое не испытывает нужды до сего дня в богословской терминологии и ее понимании, рассуждения на эту тему не было необходимостью. Славянское богословие, а точнее сказать богословская мысль, не всегда четко применяет отточенную византийскую богословскую терминологию, что имело некоторые негативные последствия в данном случае.

Для наглядности можно проиллюстрировать анализ в различии понимания некоторых богословских критериев.

По убеждению сторонников имяславия «Нетварные энергии имманентны в противоположность трансцендентной сущности Божьей». С точки зрения противников – «Нетварные энергии трансцендентны, так как энергия — это прежде всего внутритроичный феномен, превечный, а не только домостроительный. Сами нетварные энергии непознаваемы мышлением, но познаются лишь только опытно выше имён, слов, идей. Функция имён Божьих заключается в том, чтобы несовершенным образом лишь обозначить свойства (сущностные и ипостасные) Божьи, указать на них, направить ум на относительно (насколько это возможно человеческим языком) правильное ведение. Имена Божьи лишь говорят о Боге, Ипостасях, энергиях и т.д., но не являются самими этими нетварными энергиями».

По имяславцам: Трансцендентная сущность Божья именуется имманентными нетварными энергиями.

С точки зрения оппонентов: Сущность не именуется энергиями. Энергии (и ипостаси Троицы) именуется именами.

По имяславцам: Имена Божьи — это нетварные энергии.

По мнению противников: Имена Божьи — это не нетварные энергии, а тварные знаки, которыми воспевают (согласно автору Корпуса Ареопагитикум) нетварные энергии и Божественные ипостаси. Исповедуя имена Божьи нетварными энергиями, имябожники тем самым обоготворяют тварное, превращают тварное в нетварное.

Следующий довод: Имена Божьи — это движение Бога к нам, Откровение, «словесная энергия».

В противовес ему: Есть различие между нетварной энергией и результатом нетварной энергии. Имя Божье возникает в результате двух движений, как плод двух последовательных действий: откровения от Бога (так как не мы Ему придумываем те или иные свойства, а Бог нам открывает о них);отделения, посвящения Богу некоторых человеческих слов и некоторых человеческих имён.Само узнавание от Бога о Его свойствах, само это движение Бога к нам является нетварной энергией. Но материал, взятый Богом и взятый святыми из наших слов для обозначения неименуемых до конца некоторых свойств Божьих — это не нетварная энергия. Имя Божье — это не само движение Бога к нам, не сами свойства Божьи, а то, что взято из нашего мира для

некоторого примерного и условного обозначения этих свойств Божьих. Имена Божьи не выражают адекватно свойств Бога (ипостасных и сущностных), но они достаточны для нас в плане спасения, они наилучши из всего того, что может дать человеческое слово.

Совершенно противоположны мнения о имени и именуемом. Если у имяславцев «Между именем и именуемым онтологическая, а потому неотделимая связь», то у их противников – «Между именем и именуемым лишь относительная, а потому отделимая связь».

Теперь то, что касается терминологии и вообще ее правильного употребления. По мнению сторонников имяславия «Священный Синод, осудивший имяславие, отказывался именовать нетварную энергию Богом, а потому его «Определения» погрешимы и не имеют канонической силы».

Согласно доводам Синода и сторонникам противников имябожия – «Существует различие между такими именами, как θεῖον, θεότης и Θεός. Имя Божье θεῖον, но не θεότης и уж тем более не Θεός в догматической перспективе. А что касается нетварной энергии, то хотя в некоторых творениях свт. Григория Паламы и встречается именование энергии Θεός, но паламитский Собор утвердил за нетварной энергией именно θεότης. Потому Священный Синод, осудивший имяславие, не погрешил против паламитского Собора, но в точном соответствии с ним утвердил именование нетварной энергии θεότης. Осуждение «имяславцев» двумя Константинопольскими Патриархами и Российским Синодом имеет полную каноническую силу».

Еще один довод: «У Бога есть Слово и Откровения Бог давал в словах», который оспаривается таким доводом: «У Бога есть ипостасное Слово, Которое есть Сын, но в Боге нет слов и речей, нет Божественного языка, нет средства коммуникации, так как у Троицы в этом нет нужды. Имябожники антропоморфируют Божество, вводя в Бога слова, имена».

При ссылке имябожников на имя святителя Григория Паламы и его учение возражение их противников говорит: «Имябожники ложно атрибутируют свою ересь Паламе, так как сам Палама различал тварные имена Божьи от нетварных энергий Божьих».

Упреком своим противникам имяславцы выдвигали мнение, что «Имяборцы ставят имя Божье на один уровень с иконой и не считают, что иконы освящаются именами и что таинства осуществляются именами Божьими». В противовес этому выдвинуто мнение, что «св. Иоанн Кронштадтский ставил имена Божьи на один уровень с иконами и крестами. Согласно седьмому Вселенскому Собору, икона свята по самому своему имени «святая», по самому определению «святая икона», по самому факту своей иконности (=подобия) святому первообразу. И только в результате этого подобия, этой соотнесённости с первообразом икона получает и имя первообраза, лишь утверждая это подобие, а не освящая неосвящённое. Таинства осуществляются не именами Божьими».

И, наконец, «Имяборцы имеют неправильную молитву. Поскольку они не веруют в то, что имя «Иисус» есть Сам Бог, они вынуждены лишь испрашивать соединение с Богом, а потому их молитва чувственная и эмоциональная. Имяборцы, берясь за молитву

Иисусову, скоро её оставляют по причине неверия в Божественную силу имени «Иисус»». Альтернатива такому мнению – «Имябожники искажают аскетическую практику, закон молитвы, протаскивая оккультизм в православие. Веруя, будто бы имя «Иисус» есть Сам Бог, имябожники полагают, что, произнося имя, они уже соединились с Богом во спасение или во осуждение. Таким образом, таинства церковные становятся лишь придатком к уже осуществившемуся соединению с Богом. Молитвенник должен привыкнуть погружать ум в слова молитвы, не паря умом и не творя образы в уме. Творя Иисусову молитву, невозможно избежать механического повторения на первой стадии обучения молитве, так как ум привык «парить». Но на этой обязательной первоначальной стадии молитву нельзя забрасывать, так как постоянная погружённость ума в слова молитвы, а тем более погружённость ума в сердце приходит только от Бога (и то только в качестве дара, а не заслуги)».

Совершенно очевидно, что в таких суждениях наблюдается противостояние мистического и рационального восприятия одних и тех же истин.

Имяславие привлекло в первую очередь аскетов, созерцателей и искателей мистического переживания и постижения истины. Противниками его стали люди, получившие глубокое системное образование, в рамки которого подобные суждения вписаться не могли.

Простота и неглубинность первых не захотели подняться до глубокого богословского осмысления, ученость и книжность вторых не смогли снизить до искренности и мистицизма своих противников.

Хотелось бы отметить, что как у сторонников, так и у противников имяславия было одно общее стремление – чистота и святость жизни, жертвенность и самопожертвование. Сам Господь равно прославил имевших различные мнения в этом учении в лице святых своих угодников.

К тем, кто весьма сочувственно относился к имяславия принадлежат святитель Макарий (Невского), митрополит Московский, священномученик епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), страстотерпцы император Всероссийский Николай II и императрица Александра Фёдоровна, мученица великая княгиня Елизавета Фёдоровна, преподобный Варсонофий Оптинский, преподобный Кукша Одесский, праведный Иоанн Кронштадтский.

Непримиримыми противниками были священномученик митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), священномученик епископ Иларион (Троицкий), святитель Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин).

Немало против имяславцев выступал известный богослов и иерарх архиепископ Серафим (Соболев).

В начале 1920-х в Москве существовал философский имяславческий кружок, членами которого были: А. Ф. Лосев с женой В. М. Лосевой, С. Н. Булгаков, математики Д. Ф.

Егоров и Н. М. Соловьёв, П. С. Попов, священник Ф. Андреев, артист М. Н. Хитрово-Крамской; близок им был священник Павел Флоренский.

Тот факт, что святитель Тихон, патриарх Московский и его приемник митрополит Сергей (Страгородский) были противниками упомянутого учения, стал одной из причин того, что многие имяславцы в годы послереволюционные и церковной смуты порвали общение с Временным Патриаршим Синодом и вошли в состав Катакомбной Церкви.

Для исследования этого феномена требовался титанической силы мозг, способный усвоить, проанализировать и воедино соединить все «за» и «против». Смело можно говорить, что этим человеком был монах Андроник – философ и мыслитель Алексей Федорович Лосев. Явление в пространстве богословия и всей науки в целом сугубо индивидуальное, непостижимое и явленное.

Исследуя этот пласт, митрополит Иларион (Алфеев) пишет: «...спор между имяславцами и имяборцами — это спор между молитвенным благочестием и богословской учёностью, являющийся продолжением споров об обожении — между православными и евномиянами в IV веке, между иконопочитателями и иконоборцами в VIII—IX веках, между Симеоном Новым Богословом и его противниками в XI веке, между Григорием Паламой (исихастами) и Варлаамом Калабрийским в XIV веке. ... Иисусова молитва и учение об имени Божием были частью одной — монашеской молитвенной — традиции, не пересекавшейся с другой — традицией духовных академий, где о монашеской практике почти ничего не говорилось. Противники имяславия — архиепископ Антоний (Храповицкий), архиепископ Сергей (Страгородский), Сергей Троицкий принадлежали к традиции не монашеской, а богословских школ; имели о монашеской жизни весьма приблизительное представление; ни один из них никогда не состоял иноком в монастыре».

Очевидно, что изучение имяславия в богословско-философском пространстве всей науки в целом – это проблема еще нерешенная и для осмысления ее Бог может даровать только исключительной силы ученого и молитвенника, Лосева грядущих времен.

Протоиерей Олег Добринский - благочинный Новочеркасского округа, кандидат богословия, заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин Донской Духовной семинарии

